

КАСИМОВСКАЯ НЕВЕСТА

Памяти Евгения Маркина

События в поэме происходят в 1647 году

1

Окский берег. Вековые липы,
Темный бор...
Он весь, как на руке,
Перед вами — древний, многоликий
Городец Мещерский на Оке.
Всяк приезжий удивлялся очень:
«Вот те на!
Ты не гляди, что мал!
Одна с Москвою,
Между прочим,
Долгорукий город основал!»
Жизнь, она такого намесила!
Крут порой замес —
Не провернешь!..
Городец стал вотчиной Касима,
Что бежал в Москву...
Коварный нож
Брата Махмутека приневолил
Родину оставить. Там отца
Махмутек зарезал...
Он к престолу
Рвался и Касиму без конца
Угрожал: «Зарежу или ядом
Отравлю!
Престол казанский — мой.
И бежал Касим.
Бежал с отрядом.
Больше не вернется он домой.

Было то в пятнадцатом столетии.
Долго от погони шли они...
На Москве царевича приветили:
«Что ж, служи
И русичей храни!»
Он служил.
Он смело вел на драку
Свой отряд. И враг, не чуя ног,
Убегал...
Он одолеть Шемяку

Темному Василию помог.
И московский князь Василий Темный
Был доволен им.
Тогда беглец
И заполучил подарок скромный:
Тихий край лесной
И Городец.
В Городце для братии татарской
Все нашлось — и камень, и вода,
И с Ямской граничить
И Пушкарской
Иноверцев стала слобода.
Выросла мечеть,
И минарета
Поднялась высокая свеча,
Где мулла молиться всех с рассвета
Созывал, гундося и крича.
Близ мечети улицы мостили...
И, исконно русский от пелен,
Городец в Касимов окрестили
С этих достопамятных времен.

Но прошли столетия и годы,
Род царей касимовских угас...
Власть в руках бояр
И воеводы...
Вот об этом времени — рассказ.

2

Как от снега луг сегодня светел!
Благость-то какая,
Боже мой!
Вот утихомирится и ветер,
Видно, в чаще спрятался лесной.
Снегом заметенную дорожку
Расчищает девка от дверей...
Из окна Евфимия лепешку
Мелко крошит паре голубей.
Белогруды голуби и жадны
До лепешки мягкой...
Вдалеке
По-над лесом
Вороны кружатся,
След обозный тянется к реке.
Это утром,
Помолившись хмуро,

В шубы облаченные до пят,
Все купцы Касимова на Муром
В путь нелегкий тронулись опять.
В голове большущего обоза,
Где дорогу сгладил снежный свей,
Не страшась ни татей,
Ни мороза,
Едет брат Евфимии — Андрей.
Что в дороге ждет его?
Недаром
Выла так вчерашняя метель...
«Я тебе, Евфимия,
В подарок
Соболиный привезу кортель¹.
Или горностаевый, быть может, —
Говорил он. — Потерпи чуток!
В Нижнем буду — лучший, подороже
Выберу узорчатый платок.
Что еще, душа моя, желаешь?»
«Ах, Андрей!
Считать я буду дни.
Береги себя.
Прекрасно знаешь:
По лесам разбойники одни».
Брат уехал,
И, видать, надолго.
Вплоть до устья он пройдет Оку...
Вот, бесцельно побродив по дому,
Села вновь Евфимия к окну.
«Ах, одна я
С матушкой осталась!
Долго ль мне горюниться одной?
Брат ушел...
Еще до ледостава
На Москву и тятенька родной
Укатил, и нет вестей оттуда.
Реки встали.
Замели снега...
То-то на дворе сугробов груды!
Лишь вчера окончилась пурга.
Ясен день,
А на душе — поземка...»

«Что грустишь, Евфимия-краса?
Полно горевать!

---

¹ Кортель – короткая меховая одежда.

Гулять пойдём-ка!» —
С улицы несутся голоса
Девушек,
Веселых и беспечных.
«Хорошо, подруженьки, иду!...»
Задевая встречных-поперечных,
Ловко кувыркаясь на ходу,
Скоморохи улицей проходят...
В стынь, в жару,
Лесами, по степи —
Всюду за собою они водят
Старого медведя на цепи.
С домрами,
Юны и седовласы,
Как-то шли они через пургу!
И смешон как будто,
И ужасен
Их бесовский танец на снегу.
Кланяется мишка, лапу тянет,
Кружит и танцует он, глупой.
Дух веселья, озорства витает
Надо всей касимовской толпой.
Кружится медведь,
Ревет натужно,
Дети ему пряники суют.
Скоморохи весело и дружно,
Обступив Евфимию, поют:

«Сидит кисурка
На печурке,
Ей теплешенько,
Горячешенько!»

«За дежой сижу,
Пятерней вожу.
Еще посижу,
Еще повожу!»

«А что спели мы,
То и сбудется,
То и сбудется,
Не минуется!»

Все сюда пришли с окрестных улиц.
Ведь плясать —
Не сеять и не жать.

К лесу скоморохи потянулись,
Все пошли их валом провожать.
И Евфимию туда же ноги
Понесли...
Но спохватилась и
Повернула к дому с полдороги,
Дабы помолиться за свои
Прегрешенья...
«Господи, да разве
В эдакий ввергаться можно блуд?
Это все вас дьявол,
Люди, дразнит.
Подождите —
Грянет божий суд!
Ишь раскоморошничались, бесы!
Богохульство-то какое!
Срам!
Ни стыда ни совести!
На лес им
Помолиться то же, что на храм.
А веселье — это все до срока.
Всех вас покарает божья длань...»
С дерева на дерево сорока
Глупо скачет...
Крик ее, как брань,
До чего ж противен!
Видно, новость
Дома ждет.
Скорей туда, скорей!..
Людно у ворот.
Спешит в обновах
Матушка Настасья от дверей,
Причитая:
«Дочка, что ж ты шляться
Вздумала? Мы не нашли следа...
Тятенька вернулся.
Собираться
Надо в путь-дорогу».
«А куда?»

3

По самой Московии
И далее,
По земле рязанской и тверской
Знает уже слово государево

И посадский люд
И городской.
Прилетела новость и в Касимов.
Слушайте, купечество и знать!
Лучшую из девушек России
Будет царь в невесты выбирать».
И окрест летели вести эти,
И шумел на торжищах народ:
«Круг налож царь наш,
Тихий свете,
Лучшую из лучших поведет!
Славься, славься,
Алексей Михалыч!
Ныне, присно славься
И вовек!..»
То и дело вьюги налетали,
Застя свет,
Густой валился снег.
И повсюду бабы, как наездки,
Собирались, шумно гомоня:
«Царь Иван Васильич —
Наши предки
Говорили — тыщами сгонял
На смотрины!
Выбирал подолгу,
Прежде чем во храм кого
вести.
И одна, женою став,
Подохла...
Отравили...
Господи, прости!..»

Вот к Москве
К первопрестольной мчатся
Дочери бояр и воевод.
С кем-то царь
Захочет обвенчаться?
Чей «тишайший» возвеличит род?
Спешно собирались, на пороге
Сундуков запорами гремя,
И молились истово в дороге,
Кто двумя перстами,
Кто тремя...
Снежные поля и переправы...
Мчат к Москве боярские возки,
И у лошадей в белках кровавых

Вспыхивают злые огоньки.

Наперегонки,
Со всеми вместе
И возок Всеволожской летит
Славе ли навстречу?
Иль бесчестью?..
Третий день Евфимия в пути.
Снова снег,
Густой, тяжелый,
Липкий,
Встав сплошной стеною, запуржил.
Он березы тонкие и липы
Непомерной тяжестью душил.
Он летел стремительно и косо,
Густо оседая на возах...
И уже перед Москвой,
С откоса,
Вмиг переломившись на глазах,
Молодая липа на дорогу
В полуметре рухнула всего
От возка...
Но впрочем, слава богу,
Не задела липа никого.

4

Небушко нахмурилось...
На землю
Снеговое млеко потекло.
А в Москве,
В Приказе Иноземном
От печей натопленных тепло
И чуть-чуть угарно.
Поздний вечер,
Утро ли за окнами — бог весть...
На столе потрескивают свечи,
Опывая жиром...
Время есть.
За столом один сидит,
Тверезый,
Перед заливным из судака
Сам Борис Иванович Морозов —
Государя правая рука.
Ох, хитер Морозов!
Сей боярин

В деле государевом горазд.
Все в Москве Морозова боятся,
Осторожен он и не горласт.
Все вершится по его указке,
А у прочих —
Руки коротки...
Стрешнев, Шереметев
И Черкасский
Менее царю сейчас близки,
Чем его учитель и наставник...
С ним не спорь —
В Сибири пропадешь!
То-то времена теперь настали —
День ли, вечер —
Вовсе не поймешь...
Он один в Приказе,
Царский пестун.
Яства и наливки — на краю.
Нет, не пьет сегодня
И не ест он —
Крепко думу думает свою:

«Денег у меня и силы хватит.
Буду ли судьбою вознесен?..
Сам духовник царский
Вонифатьев
Верой-правдой служит мне,
И он
О женитьбе разговор с Алешей
Вел на днях.
И согласился царь.
Я же о невесте о хорошей
Позабочусь, свет мой государь!
Свете тихий,
Свет-Алеша, славься!
(Сжался над повинной головой!)
Ты одну из дочек Милославских
Должен выбрать в жены...
На второй
Сам женюсь.
На Марью, не иначе,
Выбор твой падет, душа моя.
Будем мы в родстве,
А это значит —
Всею Русью буду править я.
Я, мой свет-Алешенька!

И вовсе
Русь восславит все мои труды,
Если старец патриарх Иосиф
Передаст правления бразды
В Никоновы руки...
А кому же?
Ясно, что ему.
Другого нет...
Патриарх всемогущ.
Он мне нужен.
С ним в делах всегда
Держи совет.
Впрочем, в это я серьезно вникну
Много позже.
Церковь не уйдет.
Если станет патриархом Никон,
Мне лишь это на руку пойдет.
Все решил я правильно и мудро...»

Рыбу ест боярин.
Пьет вино.
Пуст Приказ,
А над Москвою — утро.
Благовест разносится давно.

5

Смотрины, смотрины!

«Смотри-ка, смотри-ка
На знатных, опрятных,
На старых и статных».
«Да это все зря!»
«Поглядь-ка, кривая!»
«Гляди-ка, худая!»
«А вон молодая —
Лицо как заря».
«Так это ж румяна!»
«Нет, слишком жеманна».
«А вдруг да желанна
Царю такова?»
«А ты вон молодка,
Поглядь-ка, погодь-ка,
Сведет, чай, с ума!»
«Да что ты, ей-богу!
Такую к порогу
Пожалуй, не пустят:

Белила.
Сурьма...»

.....
Общий смотр Евфимию не выбил.
Щупали,
Заглядывали в рот...
Наконец оставили на выбор
Шестерых красавиц из двухсот.
Все пригожи,
Молоды и знатны.
Древний род боярский знаменит.
О царевом выборе узнать им
Скоро,
Очень скоро предстоит.
Вонифатьев
(Щеки, словно студни.
Стар духовный пастырь и отец!)
Им сказал:
«Сегодня пополудни
По трое пойдете во дворец».
Будь к ним благосклонною,
Фемида,
Делая свой выбор дорогой!
Каждой будет до смерти обидно,
Если руку царь подаст другой...

.....
Вот втроем вошли они и сели.
(Хитрово ввела их и ушла).
Ждут-пождут —
Все нету Алексея.
Вот уже с лица одна сошла.
Следом и вторая.
Улыбнется —
А лицо — как будто бы в мелу...
Лишь одна Евфимия смеется.
Что ее смешит?
Да на полу
Солнца луч усердно ловит лапой
Озорной котенок.
По всему
Видно, что до крови исцарапать
Захотелось солнышко ему.
«Ах, смешной глупышка и негодник!
Ну чего ты
Спину гнешь дугой?
Солнце ты царапаешь сегодня,

Завтра кто-то пнет тебя ногой
Просто так.
Довольно, мол, ласкаться!
Вовсе не со зла ногою пнет,
Лишь бы поглумиться,
Посмеяться...»
Что же царь в светлицу не идет?
Весело Евфимии.
Потеха.
И куда девался только страх
Прежних дней?
Лучится вся от смеха,
Раскраснелась, словно бы костра
Жаром обдало...
А за стеною
Юный царь давным-давно стоит.
Он глядит в окошко потайное,
Хитрово тихонько говорит:
«Мне вон та,
Смешливая, по нраву.
Кто она?»
«Всеволожская, царь.
Но хочу сказать тебе я правду:
Чуть позднее лучших,
Государь,
Можно будет лицезреть...»
«Не надо!
Чересчур суровы девы все!..
Вот моя невеста и отрада!» —
И вошел в светлицу Алексей.
.....
Счастлива Евфимия.
В испуге
Лишь молчит, не смея говорить...
«Слушайте меня, царевы слуги!
Я велю смотрины отменить!»
«Как? Но ведь...»
«Молчать!
На белом свете
Нету дела мне до мелочей!»
«Что же Милославским-то ответить?»
«Сам отвечу.
Прочь с моих очей!..
А мою невесту ты с собою
Забери, Петровна,
Во дворец.

Скоро в Благовещенском соборе
Обвенчает нас святой отец».
Ключницы и девушки сенные
Подошли к невесте.
Шум и гам.
Увели...
А следом все иные
Со смотрин вернулись по домам.

6

В юности одни у всех забавы!
Всем влюбленным, видно,
На веку
Надобно взлетать между столбами
На качелях прямо к потолку.
«Фимушка!»
«Алеша!..»
Колокольцем
Льется смех невесты...
«Ой, свалюсь!»
Все сильнее поскрипывают кольца.
«Ой, потише!
Мамочка, боюсь!»
«Фимушка!..»
«Алеша!»
Надо мчаться,
Гнать коней, размахивать кнутом,
Где-нибудь в сугробе искупаться
И друг друга отряхнуть потом.
Прятаться от челяди дворцовой
И любимой губы долго пить.
У щеки зардевшейся,
Пунцовой
Миг блаженства, счастья ощутить.
Ах, любовь!
Она всегда внезапна.
До плеча коснешься лишь рукой —
Обожжет!
И ты уже на завтра
Голову теряешь и покой.
«Фимушка!»
«Алеша!»
«Милушка...»
«Хороший...»

.....

Из дворца быстрее ветра вести
Разлетелись по Москве
В тот день.
О царе и о его невесте
Судят-рядят все,
Кому не лень.
«Кто такая?»
«Чья?»
«Да люди бают —
С берегов Оки, издалека.
С Городца».
«Не там ли управляют
Всем татары многие века?
То ж Касимов!
Знаю этот мерзкий
Городок над окскою водой.
В нем скончался
Александр Невский,
Бысть отравлен Золотой Ордой».
«Вона что!
С Касимова избранница?
Ну и царь!
Не смыслит ни шиша!»
«Боже, от Всеволожской
избави нас!
Говорят — дурна,
Нехороша».
«Не скажи.
Она — девица баская.
Видел я Евфимию —
Цветок!»
«Что-то нам фамилия боярская
Эта незнакома, видит бог.
Уж не басурманка ли?»
«Крещена!»
«Вот венчанье будет — я взгляну».
«Говорят, Евфимии еще нет
Даже и пятнадцати...»
«Да ну?»
«Брат ее Андрей — купчина ярый.
Говорят, умен не по летам.
Аки пес охотничий, поджарый,
Он сегодня здесь,
А завтра — там.
Весь в отца —
Ширококост, приземист,

А ручищи — лишь подковы гнуть...»
«Говорят, купчишек иноземных
Он грозитя за пояс заткнуть?»
«Что ж, заткнет!
Ведь он хитрей лисицы,
И в делах торговых — выше их.
Он сейчас в Москве.
Привез сестрице
С Нижнего подарков дорогих».

7

Ночь была беззвездною и темной.
Вновь мела метель,
Свирепа, зла...
С Хитрово,
Всезнающей Петровной,
В Иноземный новость заползла...
Выслушав все сплетни, стал боярин
Аж мрачнее тучи...
«Как же так?
Что ж, меня, выходит, оболванил
Юный отрок?
Значит, я — дурак,
И теперь все прахом?..
Примириться
С выбором Алеши?
Не могу.
Нет, не быть Евфимии царицей!
А расстаться им я помогу...»

«Говори же, глупая ворона,
Как там царь?
Да все, как на духу.
Все, что ты доселе мне молола,
Знаю я...»
«Сегодня к жениху
Вонифатьев приходил.
В молитвах
Пребывали долго, как и встарь.
Вонифатьев о красе Марии
Милославской говорил, но царь
Ни в какую!
«Выбор мною сделан!» —
Он твердит духовнику одно.
Ох, упрямя!»

Видать, вселился демон
В нашего Алешеньку давно».
«Слушай, Хитрово,
Вникай же, дура,
В мой приказ боярский и не трусь:
Над невестой что-нибудь удумай...
Награжу тебя —
Не поскоплюсь».
«Ой, Борис Иваныч!
Больно жуток
Сей приказ.
Сгорим с тобой в аду...»
«Помни, мать,
Что не люблю я шуток.
Прочь ступай отселева!»
«Иду!»

8

Царь меж тем предсвадебными днями,
Чтоб утишить жениховский пыл,
Со своим сокольничьим Федяней
На охоте на медвежьей был.
Дружен с Федькой царь.
И видел Ртищев:
Царь влюблен.
Забросил все дела.
На уме одно: он встречи ищет
Со своей невестою...
Вчера
Ничего не ел. На половину
Женскую ходил и страшно рад:
Передал тайком через Ирину
Он кольцо Евфимии и плат.
Стал он невнимателен,
Рассеян,
Слуг не стал за шиворот трясти...
Федька — друг.
Он видел: Алексея
Надобно развлечь и увезти
Из Москвы...
И он увез. Охоту
Царь любил!
Проснулся в нем азарт.
Стал он прежним — властным
И холодным,

Это видел Ртищев по глазам.
«Вот и славно! — он подумал. — Ибо
На охоте вовсе недосуг
По невесте сохнуть...
Мне спасибо
Скажет царь, как настоящий друг».

.....
Поднят из берлоги, был он грозен,
Царь лесов звенигородских.
Рев
Разносился далеко в морозной
Тишине...
И вот к нему с краев
Ловчие пошли.
Один, неловкий,
Оступился и, смертельно бел,
Голосом, мальчишеским и ломким,
Стал кричать на помощь,
Но успел
Прохрипеть одно лишь:
«Люди! Братья,
Помогите!..» —
Оборвался крик,
Захрустели кости — и в объятьях
Он медвежьих навсегда затих...
Но остры рогадины и вилы!
Задыхаясь в хрипе,
Чуть дыша,
Вот уже медведь теряет силы...
То-то будет шуба хороша
На царевы плечи!..
Царь — в восторге.
Рад и Федька до смерти.
Но вот
Небо посветлело на востоке,
Встало солнце,
Стылое как лед...
По всему пути царя встречали,
Всех с дороги разгоняли прочь.
И когда к дворцу они домчали,
Над Москвою властвовала ночь

9

Теплятся три свечи пред иконой.
У невесты в комнате — уют...

Окружив Евфимию, тихонько
Три сенные девушки поют.

1-я девушка:

Цвела, цвела липушка
Алыми цветами,
Опадала липушка
Тихими зарями
На твою, Евфимушка,
Да на русую косу,
Да на русую косу,
На белое лицо!
Жить было у батюшки
Да потише ходити,
Буйную головушку
Да пониже носити,
Родимого батюшку
Было не гневити!

Песня Евфимии:

Милые подруженьки,
Я тихо ходила,
Золотыми ключами
Я не звонила,
Родимого батюшку
Я не гневила.
Родимую матушку
Я не слезила,
И млада Алешеньку
Я в гости не звала,
Сам он ко мне ходит
И гостинчики носит!

2-я девушка:

Не гром гремит во тереме,
Не верба в поле шатается,
Ко сырой земле приклоняется —
Красна девица благословляется,
Ей к венцу златому ехать!

3-я девушка:

Тихонько, бояре, тихонько
Вы с горы слушайтесь —

Берегите поезд свадебный!
Не сломите вишенки,
Не сорвите ягодки:
Вишенка — Алешенька,
Ягодка — Евфимушка!..

И совсем неласково — сурово
(Час ее покуда не настал!)
Хитрово запела с полуслова,
Разомкнув слащавые уста:
«Ты пади, спесивая,
Ты пади, ломливая,
Умная, красивая!
Не мы тебя сватали —
Ты сама набивалася,
В воротах настоялася,
В колечко набрячалася!»

Вот неспешно,
Без движений лишних,
(Спеты величальные слова!)
Начала Петровна самолично
Одевать Евфимию.
Сперва
Под убрус* («Ой, мамочки, о боже,
Больно мне!
Да что же это, а?»)
Косы убрала.
(«Ведь лопнет кожа!
Ой, болит — нет мочи! — голова!»)
«Ты терпи,
Терпи, душа-девица! —
Разговор Петровна повела.
— То-то женишок твой подивится:
До чего нарядна ты, мила, —
Истинно царица!..
Грянут пушки
В честь твою...
Так терпеливой будь!..»

«Ой, сдавили шею побрякушки,
Даже головы не повернуть!
Душит ворот,
Тесный и высокий,
Тяжела и неуместна брошь.
Платье из атласной поволоки

---

* Убрус – головной убор.

Так пошито,
Что и не вздохнешь.
А обувка — сущие колодки!
В сих колодках трудно сделать шаг.
И в камнях подвески —
Для кого их
Сделали?..
То гири на ушах!
Пить хочу!
Здесь очень душно, право...»

Как ждала Петровна этот час!
Загодя подмешана отрава
Сонная в питье...
«Сейчас, сейчас!
Эй вы, девки,
Поживей, не спите!..»
Ковш сенная девушка внесла.
В нем шипит водица на бруснике,
В меру подслащена и кисла.
Вот к ковшу она припала жадно,
Пот течет ручьями по лицу...
Ей уже ни холодно,
Ни жарко...
Но пора,
Пора идти к венцу.

.....

«Где я?
С кем?
Куда меня ведут?
Что за ахи слышатся и охи?..
Вспоминаю: это на беду
Пели мне когда-то скоморохи,
Что с медведем (жутко он ревет!)
Шли, дурачась, улицей,
И весел
Был честной касимовский народ
От похабных скоморошьих песен.
Все сбылось, как пелось...
Их слова
Ой, верны! А я еще бранилась...
Видно, век одной мне куковать,
Все же остальное —
Просто снилось».

.....

Шаг...

Хмур «тишайший».
И напрасно Ртищев
Вновь прельщал охотою его.
Третий день не принимает пищи,
Молится,
И видеть никого
Не желает Алексей Михалыч...
Он в покоях.
Стены и полы
Убраны коврами и мехами...
Царь поет всевышнему хвалы.
Лишь один Морозов
Вхож в покои.
Разговора потянулась нить:
«Государь!
Ни пытки, ни побои
Не смогли Всеволожских сломить.
Что отец, что сын —
Упрямы оба.
А ведь знали — порчена их дочь!» —
Говорит Борис Иваныч злобно.
«Ах, уйди,
Уйди, Морозов, прочь
От греха!
Все эти разговоры
Слушать мне, Борис Иваныч, лень.
Разреши им пару дней на сборы —
И сошли...»
«Куда?»
«Сошли в Тюмень.
И мою избранницу (Ей-богу,
Чем еще несчастной отплачу?)
С ними же в далекую дорогу
Отпусти...»
«Зачем?»
«Я так хочу!»
А кольцо и плат — мои подарки
(Подожди, перечить мне погоду!),
Ты верни Евфимушке,
Пожалуй...
Да хранит несчастную господь!»

11

Далека дорога до Тобольска...
Вся в жару, Евфимия горит.

«Потерпи, и ничего не бойся!
Живы будем! —
Брат ей говорит.
— О хорошем думать постарайся!
Скоро уж мытарствам и конец...»
Причитает матушка Настасья,
И молчит избитый в кровь отец.
Им Андрей закутывает ноги —
Ветры разгулялись по степи!
Ой, трудны российские дороги,
Ссылные нелегкие пути!..

Этими ж дорогами,
Без шума,
(Господи, помилуй и спаси!)
Скоро протопопа Аввакума
С неразлучной Марковной везти
Будут в ссылку...
Но и там не сник он.
(Хлад и голод истязали плоть!)
Не смогли ни царь,
Ни грозный Никон
Дух его бунтарский побороть.
И когда сгорел он в Пустозерске,
Верой своей праведною горд,
Сила Аввакумова по горстке
Вся в российский перешла народ!
Та же и Всеволожских порода!
Род боярский в ссылке не зачах.
На Тюмени Федор — воевода.
Кровь Андрея тоже горяча,
И среди купечества Сибири,
И по Прииртышью по всему
Все Андрея горячо любили...
Был он предан делу своему...
Пролетали вести по Сибири.
Разное твердили.
Всяк свое.
Что на Милославской на Марии
Царь женился.
Что сестру ее —
Анну — взял Морозов...
Что побили
На Москве бояр, и там — бунты...
Далеки Всеволожские были
От дворцовых склок и суеты!

Жили в Верхотурье
И в Яранске.
Шла на булки белая мука...
Жили не тужили...
Только разве,
Разве позабудется Ока,
За Окою — луговые шири,
Городец (там дом пустует их...)
Срок пришел —
Вернуться разрешили
Им на землю отчичей своих.

.....

Вот и вся,
Как говорится, сказка!
Приезжали сваты — и не раз,
А затем все реже и с опаской...
Всем дала Евфимия отказ.
Что еще?
В истории туманной
Всякое об этом говорят...
Ей кольцо на палец безымянный
Брат одел во гробе.
Тонкий плат
На лицо набросил...
Так ли было —
Я не знаю.
Летом ли, в пургу —
Царскую избранницу могила
Приняла на окском берегу.
Я искал тот холм,
Но годы стерли
Все с лица земли
                    давным-давно...
Но печально кончиться истории
О невесте царской не дано!
Я искал,
И три столетия взглядом
Охватить пытался сгоряча...
А она... она жила ведь рядом!
Я ее в Касимове встречал.
Городца Мещерского мадонны!
Луговые скромные цветы...
Приезжаю —
Вижу то в одной я,
То в другой Евфимии черты.
Уезжаю — все равно вас вижу.

Памяти прочна живая нить.
И, пожалуй,
Самому Парижу
Вашей красоты не оценить.
Я и сам —
Должник ваш!
И еще мне
Доведется песню спеть о вас! —
Королевны милые Мещеры!..
А покуда —
Мой окончен сказ.

Б.Гучков